

Множественность сознания

Постановка задачи. В данной статье я хочу обсудить границы всякого научного описания феномена сознания и необходимость такой философской теории сознания, которая учитывала бы факт существования многих сознаний.

Реализуя материалистический и естественнонаучный подход к анализу человеческого сознания, некоторые представители современной науки пытаются «вывести» свойства человеческого сознания из природных закономерностей. Стремление сконструировать искусственный интеллект, используя квантовые закономерности (квантовый компьютер), основаны на убеждении, что сознание можно описать и объяснить как квантовый феномен [1]. Однако, несмотря на свою полезность и эвристичность, научный подход к пониманию субъективности является очень узким. Несмотря на антропный принцип, наука рассматривает мир, в котором наблюдатель не обязан существовать. Ученые-естественники пытаются «вывести» сознание из природных закономерностей. Этот подход содержит в себе, однако, одну неразрешимую проблему: существование лжи и обмана. Научный предметный язык не может описать феномен обмана и лжи. Тем более, если речь идет о самообмане.

Отмеченные феномены имеют непосредственное отношение к пониманию сознания. Возможность их понимания связана с определенной методологией изучения сознания. Один из наиболее распространенных философских подходов к изучению сознания определен формулой: «Мир дан человеку в формах его субъективности». В качестве последних в истории философии рассматривались формы мышления (классический рационализм), формы чувственности (классический сенсуализм), формы практики (марксизм), языковые игры (Витгенштейн), интенциональные акты (феноменология Гуссерля). Как показала история разработки таких подходов, для них становится неразрешимой проблема выхода за границы субъективности. Феномен осознания существования Другого сознания не выводим из содержания собственной субъективности. Поэтому вполне оправданы философские подходы, предложенные — каждым по-своему — Бахтиным, Мерло-Понти, Сартром, Вальденфельсом, в которых сознание рассматривается как феномен взаимодействия разных субъектов в диалоге, коммуникации, признании их друг другом.

Я обсуждаю некоторые аргументы в пользу позиции, которую определяю следующим образом. Анализ сознания должен исходить не из принципа тождества, когда *либо* сознание выводится из объективного бытия мира, *либо* представления о внешнем объективном мире выводятся из содержаний сознания. Недостаточно апробирован в анализе сознания противоположный принцип, который можно назвать принципом различия. Применительно к нашей теме его можно конкретизировать, сказав, что человеческое индивидуальное сознание надо рассматривать, исходя из признания включенности в него чужого сознания, сознания другого человека. И далее я буду защищать тезис о том, что сознание есть лишь там и тогда, где и когда оно признает существование другого, чужого сознания. Вопреки предрассудку классической философии, одного «общего» сознания не существует. Сознание множественно, плюрально по своей природе и сущности. Оно как бы состоит из многих сознаний.

Сознание субъектно и единично. Это первый защищаемый мною тезис. Он дискуссионен. В ряде классических философских систем сознание рассматривается как нечто индивидуальное и обособленное (Декарт). В философии Гегеля представлена противоположная точка зрения. Феноменология Гуссерля пришла в тупик «эгологии». Однако в интерпретации Г. Шпета феноменология не требует «собственника» сознания [2]. Современные дискуссии по этому вопросу достаточно полно представ-

лены в книге Н.С. Юлиной [3]. Я придерживаюсь позиции, которую занимает в этой дискуссии американский философ Томас Негел. Он, критикуя Д. Деннета, указывает на то, что невозможно объективистски представить, что означает опыт субъекта, абстрагируясь от его специфической точки зрения. То есть теория сознания должна исходить из признания *необъяснимости* существования некоторых содержаний человеческого сознания. Я это понимаю как свидетельство того, что сознание не может быть ничьим. Если сознание всегда субъектно, т.е. оно всегда *чье-то*, кому-то принадлежит, то оно не может быть предметом научного представления. Здесь можно привести эмпирические данные, связанные с изучением аутизма. Новые и интересные результаты исследований проблем аутизма получены группой английских психологов во главе с Симоном Барон-Козном [4].

Страдающий аутизмом легко ориентируется среди вещей, но всякая коммуникация оказывается для него невозможной. Вот как выглядит диагностический тест, разработанный Барон-Козном. В помещении присутствуют 12-летняя Энн, страдающая аутизмом, ее знакомая Салли и экспериментатор. Энн видит, как Салли кладет свою куклу в коробку, после чего Салли выходит. Экспериментатор просит переложить куклу из коробки в ящик, а затем спрашивает Энн: сейчас Салли вернется; где она будет искать свою куклу? Энн выражает уверенность, что Салли будет искать куклу в ящике, то есть там, где она теперь находится. Аутист не допускает существования иного сознания, кроме собственного. Он не может встать на точку зрения другого человека, она для него не существует. Страдающий аутизмом все происходящее видит только с одной точки зрения, и он считает, что другие субъекты видят и осознают мир точно также. Для аутичного сознания не существует различия между его собственными состояниями и состояниями мира. Как верно замечает по этому поводу А.К. Секацкий, «аутизм — это тихий застывший ужас по поводу того, что известное мне тем самым автоматически становится известным другому. Абсолютная прозрачность ментальной среды не дает возможности обрести убежище или укрытие, а это значит, что нигде конституироваться субъекту» [5]. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания сознания. Если мы занимаемся познанием сознания, то гносеологический оптимизм дает нам уверенность, что мы можем знать ментальное содержание любого человеческого сознания. Но тем самым мы отказываем такому человеку в наличии его собственного «Я». В то же время сознание больного аутизмом — это все же сознание, хотя и патологическое. Поэтому — предположу, — что патологическое (до- или сверх-человеческое) сознание безсубъектно и может изучаться вполне объективными научными методами, в то время как «нормальное» человеческое сознание субъектно, и именно поэтому «нормальное» сознание допускает существование других сознаний, других «Я», которые осмысливают объективные обстоятельства бытия иначе и для которых эти обстоятельства, и, соответственно, состояния сознания могут быть другими. Такое сознание допускает существование, в том числе, и ложного сознания. Более того, такое сознание способно понять, принять и оправдать точку зрения другого сознания. В этом, как мне кажется, состоит одна из принципиальных черт «нормального» сознания. Она связана с рефлексивностью.

Сознание субъективно и есть отношение. Сознание будем рассматривать не как некое сущее наряду с другими сущими, а как специфическое *отношение* человека к миру. Сознание есть присутствие, но не в виде некоего идеального сущего в мире, а в виде отношения к миру. Как заметил в свое время К. Маркс, сознание есть отношение человека к миру со знанием. Человек относится к вещам, а не вещи относится к человеку. Под знанием можно понимать любые психические состояния человека, которые он рассматривает как относящиеся к миру, как относимые к чему-то иному — отличному от этих состояний. Если эти состояния лишь даны и переживаются как таковые, то они еще не есть суть «нормального» сознания. Сознание начинается тогда, когда посредством этих состояний человек относится к внешнему миру, когда эти состояния относятся к чему-то вне человека. И это отношение субъективно. Кант, полагавший пространство

как априорную форму чувственности, имел в виду способность человека «выносить» свои ощущения за пределы собственного тела, устанавливая отношение референции. Понимание сознания как отношения по-своему выразил М.М. Бахтин. Он писал, что «с появлением сознания в мире... мир (бытие) радикально меняется. ...Солнце, оставаясь физически тем же самым, стало другим, потому что стало осознаваться свидетелем и судьей. Оно перестало просто быть в себе и для себя..., потому что оно отразилось в сознании другого (свидетеля и судии); этим оно в корне изменилось...» [6]. Как можно было бы описать изменение мира, происходящее из-за присутствия наблюдателя? Присутствие есть не просто наличие чего-то, а есть определенного рода отношение, посредством которого определяется сущее, при котором нечто присутствует. Субъективность есть одностороннее отношение. Мир, в котором существует сознание, должен допускать существование антисимметричных отношений. Это значит, что существует отношение A к B , но не существует такого же рода отношения B к A .

Как уже отмечалось, для аутичного сознания не существует различия между его собственными состояниями и состояниями мира. «Нормальное» сознание способно не только знать существующее положение вещей со своей точки зрения, но и положение вещей, видимое с другой точки зрения, поэтому оно допускает существование других сознаний, которые осмысливают объективные обстоятельства иначе. Поэтому «нормальное» сознание не отождествляет свои субъективные состояния с объективными обстоятельствами существования человека. Больше того, такое сознание способно понять, принять и оправдать точку зрения другого сознания и даже допускает существование ложного сознания. В этом, как мне кажется, состоит одна из принципиальных черт сознания, связанная с признанием субъективности сознания.

Сознание как «детектор лжи». Согласно Декарту, присутствие субъекта в мире конституируется актом универсального сомнения. Если в мире, каков он есть, нет обмана, то в нем нет места для «Я». «Я» есть, по выражению А.К. Секацкого, детектор лжи. Если обман отсутствует, то невозможен ни акт мышления, ни бытие от первого лица. Сомнение есть свидетельство существования, по крайней мере, сомневающегося.

Декарт никогда не принимал «состояния сознания» за простое «состояние мира» и наоборот. Декарт считал, что сознание проявляет себя в возможности лгать, обманывать, представлять дело так, как оно, может быть, не существует в действительности. В связи с этим принципиальное значение имеет соображение Р. Пенроуза о том, что действие «нормального» сознания не может быть описано никаким алгоритмом [7]. Можно построить алгоритм, генерирующий только ложные суждения или только истинные суждения. Но нет алгоритма, который различал бы истину и ложь. То есть нельзя различные содержания сознания объяснить различием в объективных обстоятельствах бытия. Рассмотренное аутичное сознание — это алгоритмизированное сознание, оно продуцирует только истинные (со своей точки зрения) суждения или только ложные суждения, не ведая при этом, что лжет. Возможность не только говорить истину, но и лгать, отдавая отчет в том, что лжешь, — это и есть способность, которая отличает «нормальное» сознание. Сознательно лгать — значит находиться в отношении к предмету своего суждения и к себе. Иначе говоря, сознание есть лишь там и тогда, где и когда оно допускает существование другого, ложного сознания. Лишь относясь к другому человеку, как обладающему другим сознанием, мы осознаем себя в качестве сознательных существ — существ, обладающих собственным сознанием. Сознание есть способность говорить правду, отличая ее от лжи, и лгать, отдавая себе в этом отчет. Сознание — это не алгоритмизируемый акт различения и акт связывания истины и лжи!

Может быть, способность обманывать, лгать — главная загадка и тайна сознания. Представим себе деятельность сознательного существа с помощью модели отношений хищника и жертвы. Жертва может вести себя просто как жертва: убегать, скрываться. При этом она отражает объективные обстоятельства своего бытия. Но воз-

можно и другое поведение жертвы, состоящее в обмане. Это ситуация, когда жертва ведет себя с учетом того, что может думать в данной ситуации хищник. Жертва может осознавать не только угрозу со стороны хищника, и тогда — спасайся, но жертва может учитывать мышление хищника и вести себя так, как хищник не ожидает от жертвы. Сознательно творимый обман для «другого» является эффективным с точки зрения сохранения жизни жертвы. Об этом говорят некоторые данные исследований антропосоциогенеза. Сознание жертвы является в данном случае ответом на содержание сознания хищника, выраженного в определенном поведении. Обычно в этом случае говорят о воображении. Но воображение чаще всего рассматривается как одна из высших способностей сознания, производная от неких базовых способностей. Мне думается, что перспективным является предположение о фундаментальном характере воображения в человеческом сознании. Воображение составляет сущность сознания. Но под воображением здесь я понимаю не просто продуктивную способность человеческого сознания, как это обычно понимается. Его природа может быть понята как «респонсивность». Этот термин был предложен современным немецким философом Б. Вандельфельсом для обозначения той ситуации, когда чужое сознание, или просто чужой, «пре-присутствует» в собственном сознании субъекта, который всегда отвечает на запрос, призыв чужого [8]. Речь идет об «ответности» сознания.

По мнению Б. Вандельфельса, интенциональность сознания должна быть дополнена респонсивностью. Чуждость и ответ (Response) составляют единое целое, но таким образом, что «чужое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания, и тем, что выходит за пределы понимания. С точки зрения собственника сознания, чужая претензия не следует правилу и поначалу не имеет смысла. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Оно прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новое. Мы сами изобретаем то, *что* мы отвечаем, но не то, *на что* мы отвечаем, и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание получает своеобразную сингулярность: оно отклоняет от привычных событий и делает возможным иное видение, мышление и действие. «Чужое» вторгается в наше сознание в актах мышления «вдруг». Часто мы ловим себя на том, что после состояния безмыслия вдруг в нашем сознании появляется некая мысль. Явление спонтанного возникновения бодрствующего состояния сознания интересовало Декарта. Кант обращал внимание на спонтанные акты трансцендентального субъекта, которые становятся началом разумного мышления и действия. Это явление «вдруг»-мысли есть вторжение «чужого» в наше сознание, требующее ответа. Анализ подобных актов связан с пониманием того, как объективная реальность (вещь, «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания. И этот анализ не может ограничиваться парадигмами физикализма (mind-body problem) или субъективизма.

Выразим изложенную концепцию в понятиях симметрии и асимметрии. Аутизм реализует определенную структуру пространства, отличную от той, с которой связано «нормальное» сознание. Аутизм — это представление о мире, полагающее себя единственным возможным. Аутизм не признает существования другого сознания, для которого существует то, что не существует для аутичного сознания. Таким образом, для такого сознания мир инвариантен относительно переходов от одной точки зрения к другой: все видят мир одинаково единственно возможным способом. Эта позиция характерна для классического типа научной рациональности, в котором предполагается наличие трансцендентального и трансцендентного субъекта познания, которому тождественны реальные человеческие познающие существа. С этим связано и классическое понимание объективности знания и познания. Кажется, что здесь состояния сознания соответствуют объективным состояниям мира. Поэтому мир осознается как единственно возможный и данный в формах нашего аутичного сознания. Аутист может лгать, не ведая, что лжет, он не различает истину и ложь.

Присутствие в мире субъекта с «нормальным» сознанием приводит к нарушению симметрии мира. Мир становится неинвариантным относительно «преобразований» точек зрения, или позиций субъектов. Здесь каждый «видит» мир по-своему. Но не только. Каждый осознает при этом, что существует и ложное сознание, которому мы можем и должны отвечать. Оно является ложным по своему новому, навязанному нашему сознанию содержанию, а не в силу чьей-то способности учесть и обмануть наши исходные ожидания. При этом переход от одной точки зрения (сознания) к другой не описывается в терминах объективного мира. То есть невозможно перейти непрерывно от состояния сознания субъекта в данной позиции к состоянию «чужого» сознания, осуществляя пространственное преобразование этой позиции в новую. Проще говоря, невозможно, поместив себя в объективные обстоятельства другого, перейти в состояние его сознания.

Представление об инвариантности или неинвариантности мира позволяет использовать язык отношений для описания субъективности как присутствия. Присутствие есть определенного рода отношение, посредством которого определяется сущее, при котором нечто присутствует. В этой связи мне представляется методологически интересной высказанная известным физиком А. Саламом идея о том, что порождение порядка суть спонтанное нарушение симметрии. Присутствие в мире сознательного, разумного существа можно интерпретировать как возникновение определенного порядка в мире. Для разумного существа мир упорядочен. Симметричность неосознаваемого мира может быть понята таким образом, что если существует отношение A к B , то существует отношение B к A , что и означает симметричность отношения. Симметрия предполагает неразличимость некоторых вещей, свойств, состояний, событий. Поэтому нарушение симметрии означает, например, что некоторые прежде неразличимые состояния становятся различимыми. Таким образом, если введение сознательного наблюдателя в мир ведет к увеличению порядка в наблюдаемом мире, то это можно понимать так, что введение сознательного наблюдателя нарушает симметрию отношений к миру. Это также означает, что нарушение симметрии свидетельствует о том, что мир не инвариантен относительно переходов между разными точками зрения, то есть разными сознаниями. Физика описывает мир объективно, то есть как инвариантный относительно разных наблюдателей, тем самым элиминируя последних из самого описания. Таким образом, «чужое» сознание входит в «наше» сознание посредством признания неинвариантности мира относительно преобразований точек зрения или переходов от одной точки зрения к другой.

В заключение хотелось бы заметить, что респонсивность сознания указывает на пространственный характер бытия сознания. Время же есть выражение природы «одинокого» сознания.

Литература:

1. См.: Дойч Д. Структура реальности. Ижевск, 2001; Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. Ч. 1, 2. Москва-Ижевск, 2003—2005.
2. Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994.
3. Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниела Деннета. М., 2004.
4. Understanding Other Minds. S. Baron-Cohen, etc. Oxford, 1993.
5. Секацкий А.К. Декарт в системе координат европейской метафизики // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. СПб., 2000. С. 37.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 341.
7. Пенроуз Р. Новый ум короля. М., 2003. С. 332.
8. Вандельфельс Б. Мотив чужого: Сб. пер. с нем. Минск, 1999.